

© 1994 г. Г.А. КЛИМОВ

ФРАГМЕНТ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ КАРТВЕЛОВ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Чрезвычайно широкая разветвленность терминологии виноградарства и виноделия в картвельских языках широко известна (ср., например [1], где приводятся свыше 1200 соответствующих лексем, среди которых налицо множество специализированных, имеющих отношение исключительно к виноградарству). В специальной литературе справедливо признается, что за ней стоит и достаточно давняя традиция хозяйственной практики картвелов. Конечно, высказывавшаяся некоторыми кавказоведами в 50-х годах точка зрения относительно знакомства с виноградарством носителей языка еще в период иногда предполагаемого общекавказского состояния [ср. 2, с. 41–50], основана на довольно очевидном анахронизме, поскольку оно возможно лишь в условиях развитого оседлого земледельческого хозяйства. Тем не менее, глубокая древность этой культуры в Закавказье, в частности в Центральной и Южной Грузии, не вызывает сомнений, так как она однозначно подтверждается показаниями современной археологии. Например, для III тысячелетия до н.э. следы культурного винограда засвидетельствованы в таких археологических комплексах Центральной Грузии как Квацхелеби и Хизанаантгора, а для более ранней эпохи они отмечены несколько южнее Тбилиси в комплексе Шулавери [3, с. 83]. В период поздней бронзы виноградарство уже достигло здесь высокого уровня развития, о чем говорят археологические находки в Уллис-цихе, Триалети и в других местностях Закавказья. Целесообразно упомянуть, что раскопки ряда археологических объектов удостоверяют факт выведения в столь отдаленное время по крайней мере двух сортов виноградной лозы – мцване, с одной стороны, и ркацители, с другой. Эпоха культивации лозы в Грузии будет, вероятно, отодвинута еще несколько далее, если подтвердится мнение И.А. Джавахишвили о том, что в Закавказье существуют два-три еще более древних сорта винограда [4, с. 530]. Напомним в этой связи и сохранившиеся в Грузии до сравнительно недавнего времени пережитки древнейшего культа высокоствольной виноградной лозы как некоторого воплощения древа жизни [5, с. 56–58 и 73–74]. На наш взгляд, налицо и довольно убедительные языковые свидетельства обрисованного положения вещей. В условиях серьезных трудностей, с которыми неизменно сталкивается этническая атрибуция археологических находок, эти свидетельства представляются достаточно показательными и сами по себе.

Предметом рассмотрения в настоящей статье служат пятнадцать именных и глагольных основ соответствующего семантического поля в картвельских языках, обнаруживающие закономерные звукосоответствия и позволяющие воспользоваться известными преимуществами групповой реконструкции лексики. Продолжения почти всех реконструируемых здесь терминов (иногда даже с их синонимическим окружением) налицо и в древнегрузинских письменных памятниках. По крайней мере два строящихся в этой сфере архетипа – **rwino*- "вино" и **ter*- : *tr*- "напиваться, пьянеть" – претендуют на свою соотнесенность еще с общекартвельским состоянием.

Первая из названных основ является одним из звеньев широко распространенного в языках древней Передней Азии индоевропеизма. Высказывавшаяся в прошлом гипотеза об армянском источнике картвельских обозначений вина в картвельстике не нашла подтверждения. Ее опровергает не только весь известный современной науке культурноисторический контекст бытования самой реалии в Закавказье (естественно предположить к тому же, что знакомство картвелов с вином должно было состояться

еще в эпоху до возникновения у них культуры виноградарства, подобно тому как это имело место в истории большинства других регионов Евразии), но и формальный облик соответствующих лексем. Так, в специальной литературе неоднократно подчеркивалась их фонетическая невыводимость из известного армянского слова, поскольку при этом ожидалось бы формы типа **gini-* или **gvini-* (ср., например: [6, с. 42; 7, с. 139–140; 8, с. 334]). На очевидном недоразумении основана и встречавшаяся ссылка на гипотетический протоармянский антецедент слова с начальным *γ*, поскольку последняя фонема появляется в армянском языке лишь к XI в. н.э. как результат преобразования исторического "твердого" *l*.

Необходимо вместе с тем учитывать, что картвельское обозначение вина оказывается в едином ряду с несколькими другими древнейшими общекартвельскими индоевропеизмами, отражающими инициальное индоевропейское **u* или **Hu* в виде последовательности *γw* (такие входящие в него основы, как картв. **γweb-* "плести", **γwed-* "привязь, ремень", **γwel-* "скручивать(ся)" при и.-е. **uebh-*, **uedh-* и **uel-*, могут объясняться не только как формы, возникшие на картвельской почве вследствие некоторого древнейшего "обострения" *u*, но и, по-видимому, как содержащие рефлекс позднего индоевропейского ларингала, что удостоверено бы давность их заимствования еще более убедительным образом, ср. [9]. Ранее автор статьи считал, что содержащие диминутивный аффикс сванские обозначения вина *γwinel-*, *γwinal-*, *γwināl-* могли быть заимствованными из грузинского. Однако за исконность слова в сванском как будто говорит его принадлежность к числу нескольких других, как правило, общекартвельских лексем, выступающих ныне в этом языке лишь в окаменелой форме исторического диминутива.

В то же время достоверность реконструкции семантики глагольной основы **ter-* : *t̥r-*, продолжения которой засвидетельствованы в грузинском и сванском, поддерживается параллельным наличием в общекартвельском состоянии "нейтральной" глагольной основы **ɣ₁w-*, прослеживаемой по всем картвельским языкам (ср. в этой связи существование во многих "экзотических" языках парных классифицирующих глаголов "пить", соотносимых с разными объектами – с водой в одном случае и с хмельным напитком или соком во втором).

Остальной рассматриваемый здесь материал позволяет восстанавливать архетипы обычно несколько более позднего – грузинско-занского – уровня, проецирующиеся в эпоху не позже II тысячелетия до н.э. Несмотря на то что в обоих языках занской ветви – мегрельском и лазском – лексемы этой семантической сферы в настоящее время иногда существенно варьируют по диалектам (так, например, в сенакском диалекте мегрельского обозначением глиняной амфоры для вина служит *lagvan-*, а обозначением черпака для вина – *xirke*), в них так или иначе прослеживаются закономерные корреспонденции соответствующим грузинским, что дает основание проецировать в грузинско-занское состояние следующие архетипы:

- *wenaq-* "лоза (виноградная)"
- *kra-* "рог, верхушка, годовалая лоза винограда"
- *sxat-* : *sxl-* "подрезать лозу"
- *mkwaxe-* "незрелый (виноград)"
- *kupx-* "обрывок грозди, кисточка (винограда)"
- *ɣ₁ɣex-* : **ɣ₁ɣix-* "давить (виноград)"
- *(s)a-cnex-el-* "давиляня, пресс (виноградный)"
- *ɕkɛnd-* : **ɕkɛd-* "осаждать(ся), сочить(ся)"
- *ɕur-* "глиняная амфора (для вина)"
- *txl-e-* "осадок (вина)"
- *kope-* "черпак (винный)"
- *guda-* "бурдюк, мех"
- *ɣ₁mal-* // *ɣ₁mar-* "уксус".

Приведенный материал может быть распределен по своему происхождению между двумя обособленными группами основ. Одну из них составляют формы, образованные

на базе исконно картвельского корнеслова. Остальная часть списка, подобно обозначению вина, обнаруживает индоевропейские параллели и, скорее всего, восходит к каким-то древним индоевропейским источникам. Бросается в глаза отсутствие в этом списке картвельского обозначения винограда (ср. груз. *qiwzel* – и очень близкие формы родственных языков), не поддающееся намеченной бинарной классификации. Оно по сей день остается одной из нерешенных загадок картвельской этимологии (мнение о зависимости от него урартского *ulde(ni)* "виноград" [10, с. 86] в свете известной науке истории традиции виноградарства едва ли может считаться окончательным).

Груз. *mḱvaxe* "незрелый (о фруктах)" и мегр., лаз. *ḱoxa* – "незрелый виноград, сок незрелого винограда" позволяют реконструировать груз.-зан. **mḱvaxe* – "незрелый (преимущественно о винограде)". Архетип напоминает картвельские отглагольные образования с аффиксацией *m* – *-e*, хотя соответствующая производящая основа, по-видимому, не просматривается. Вместе с тем фонетически близкие сванские формы скорее всего неисконны.

Груз.-зан. *ḱirx* – "мелкий обрывок грозди, кисточка винограда" реконструируется на базе сравнения груз. *ḱirxal* – располагавшего уже в древнегрузинском рядом производных, с лаз. *ḱimx*-, в котором реализован закономерный звукопереход *rx* > *mx* (ср. [11, с. 134]). Поскольку сюда же, по всей вероятности, относится и сван. *ḱwipx* – "капля", что поддерживается и груз. *ḱirxa-ḱirxa* "струей, потоком", лексема должна восходить еще к общекартвельскому состоянию и способна иллюстрировать становление специфического термина виноградарства из единицы терминологически нейтральной лексики (в картвельских языках нетрудно найти и другие примеры этого длившегося многие столетия процесса).

Груз.-зан. **ḱ₁ḡex-ḱ₁ḡix* – "давить (преимущественно о винограде)" произведено от простой глагольной базы **ḱ₁ḡ* – "давить" посредством присоединения исторического аффикса категории способа действия (мнение Г.А. Капанцяна о зависимости картвельского слова, равно как и несомненно связанного с ним арм. *ḱēḡel* "давить", от аккадского *sanāḱu* [12, с. 350] наталкивается на серьезные препятствия фонетического порядка).

Дальнейшее расширение предыдущей основы представлено в груз.-зан. **(s)a-ḱ₁ḡex-el* – "давить, пресс", где к ней присоединяется известная деривационная коаффиксация **(s)a- -el*.

Груз. *ḱur* – "глиняная амфора для вина", характерное для западногрузинских диалектов, и закономерно отвечающее ему мегр. *ḱkuḱ-ḱkiḱ* позволяют реконструировать архетип *ḱur*-. Любопытно, что изолированно стоящее восточногрузинское *ḱvevr* – той же семантики в свою очередь напоминает и.-с. **k^uer* – "горшок, котел". Обозначаемая словом реалья встречается, во всяком случае, еще в археологических комплексах II тысячелетия до н.э.

Груз.-зан. **ix₂-e* – "осадок вина (в сосуде)", по всей вероятности, образовано от грузинско-занского адъектива **itxel* – "тонкий, редкий" посредством суффиксации исторического номинализующего гласного элемента [13, с. 39].

Груз.-зан. **ḱore* – "черпак (винный)" восстанавливается на базе сопоставления груз. *ḱore*– и мегр., лаз. *ḱora*– [14, с. 142]. При идентичности семантики грузинской и мегрельской форм в лазской налицо некоторый сдвиг значения (она обозначает либо черпак вообще, либо большую ложку-шумовку), понятный на фоне исповедуемого лазами ислама. Переход *e* > *a* в основе основы обоих занских субстантивов объясняется явлением внешнего сандхи, обусловленным их обычной позицией в предложении (ср. груз. *erti ḱore ḡvino* "один черпак вина").

Наконец, груз.-зан. **ḱ₁mar-/-l* – "уксус" связано своим корневым элементом с общекартвельским обозначением соли [11, с. 176–177]. Если в основе груз. *ḱmar*– лежит вариант архетипа с конечным *r*, то в основе лаз. *ḱmo(r)*– оказывается вариант с *l* (ср. мегр. *ḱmolua* – "солить"), закономерно результирующим в *r*.

Другая группа основ интересна тем, что она состоит, по всей вероятности, из древних индоевропейцев. Большая или меньшая достоверность предлагаемых ниже сближений основывается в определенной мере уже на самой возможности выполнения соответствующей групповой реконструкции в рассматриваемом фрагменте словаря картвельских языков.

Так, груз.-зан. **wenaq-* "лоза (виноградная)", восстанавливаемое на базе сопоставления др.-груз. *wenaq-* с мегр. и лаз. *binex-*, принято сопоставлять с и.-е. ("диалектным") **weinaq* той же семантики (ср. [15, с. 214–215; 16, с. 649, 861]). Сван. *wenāq-* или *wenāx-* "виноградник" должно, однако, трактоваться в качестве грузинизма, поскольку оно отражает, как это видел еще И.А. Джавахишвили, сдвиг семантики, наступивший в грузинском слове в более позднее время [17, с. 102].

Груз.-зан. **kra-* "рог, верхушка, годовая виноградная лоза (?)", по всей вероятности, восходит к и.-е. **krā* "голова, рог, верхушка" (в настоящее время известны и другие примеры соотношения картв. *k* – и.-е. *k*). В пользу гипотезы о давности заимствования основы говорит ее весьма архаический облик. Картвельская лексема, подобно индоевропейской, характеризуется широким полисемантизмом, четко отраженным, в частности, уже в первом Толковом словаре грузинского языка, принадлежащем С.С.Орбелиани [18, с. 17]. Значение "однолетняя лоза" присуще, во всяком случае, уже древнегрузинскому слову. Если учесть закономерность преобразования исторического комплекса *kr > rk* в мегрельском (ср. лаз. *kra-*, мегр. *ka- < *rka-*, ср. [11, с. 93]), то др.-груз. *rka-* "рог, однолетняя лоза" может трактоваться как старый мегрелизм.

Груз.-зан. **sxal-* : *sxl* "подсекать лозу" увязывают с продолжениями и.-е. **skhel-* "оступаться" типа др.-инд. *skhalatē* "он спотыкается" (ср. [18, с. 333]). Семантическая сопоставимость этих форм более отчетливо выступает на фоне значения производного груз.-зан. **sxl-et-* : *sxl-t-* "оступиться, поскользнуться", характеризующегося распространением исходной простой базы посредством исторического аффикса способа действия (ср. [11, с. 386; 19, с. 43]). Аблаутное чередование в корне картвельского глагола, равно как и его семантика, не позволяет его выводить из фонетически близкого арм. *sxalim* "ошибаться", неисконность которого также иногда допускается в арменистике. Для соотношения картв. *x* ~ и.-е. *kh* ср. картв. **sxw(i)-* "стрела, шип растения" при и.-е. **sk(h)ui(i)* – "шип растения".

Груз.-зан. **čkend-* : *čknd-* "осаждать(ся), сочитать(ся)" (ср. груз. *čkent-* : *čknt-* при мегр. и лаз. *čkond-* [11, с. 399]) естественно сопоставить с и.-е. **skendh-* той же семантики. Необычно сложная фонологическая структура формы нулевой ступени огласовки картвельской основы заставляет исследователей искать пути объяснения ее истории. Так, Ф.Г. Эртелишвили полагал, что она представляет собой усложнение (с последующим преобразованием) иной исходной основы [20, с. 289], а И.Г. Меликишвили, подчеркивая обилие ее диалектных вариаций в грузинском, признает вероятность ее заимствования во всяком случае из одного картвельского языка в другие [21, с. 52]. Если сван. (верхн.-бал.) *li-skind-e* "сочиться" относится сюда же, то придется признать общекартвельскую давность заимствования. О культурном характере слова, по-видимому, говорит его дополнительное значение "сучить веревку", засвидетельствованное в занской ветви картвельских языков.

Груз.-зан. **guda-* "бурдюк, мех (для вина, сыра)", построенное исходя из груз., мегр. и лаз. *guda-*, сопоставимо с продолжениями и.-е. **gudo-m* "кишки, потроха" > "кожаная сумка". Поскольку картвельская форма, обозначающая один из характерных атрибутов древней культуры картвелов, обнаруживает особенную близость к др.-инд. *guda-h*, соблазнительно считать ее вкладом переднеазиатского индоарийского источника (как известно, лексема проникла и в некоторые семитские языки). Сван. *gudra-* "бурдюк, мех", испытывавшее воздействие аналогии со стороны ряда обозначений других хозяйственных реалий, характеризующихся в этом языке суффиксом *-ga*, может быть более поздним заимствованием из грузинского.

В целом рассмотренный выше лексический материал, являющийся принадлеж-

ностью культурного словаря, служит лингвистическим свидетельством высокой развитости культуры виноградарства у картвелов еще в эпоху грузинско-занского языкового единства. Вместе с тем его неисконные элементы показательны как аргумент в пользу гипотезы о древнейших ареальных контактах картвельских и индоевропейских языков где-то к югу от картвельской языковой области. Интересно, что, подобно подавляющему большинству других древних индоевропеизмов, эти элементы не могут восходить ни к анатолийскому, ни к армянскому источнику. Во всяком случае их фонетический облик заставляет искать их антецеденты в других ветвях. Так, например, картвельские формы с семантикой "подскакивать лозу" и "бурдюк" ввиду отражения в них специфического сдвига в вокализме, равно как и по некоторым другим признакам тяготеют к источнику текста древнеиндийского (наличие примерно полутора десятков других подобных параллелизмов делает изучение этого материала одним из конкретных направлений дальнейшего поиска в исследовании проблемы древнейшего взаимодействия обеих лингвистических семей [ср. 22]).

В заключение целесообразно затронуть вопрос о хронологии армянских заимствований в картвельских языках в общем плане. Факт наличия в них немалого числа арменизмов или лексем, усвоенных через посредство армянского, стал очевидным уже после известных работ Н.Я. Марра в области армяно-грузинского языкового взаимодействия. Достаточно ощутимы они и в затронутой здесь семантической сфере, что в свою очередь подтверждает факт многообразия источников, участвовавших в формировании терминологической системы виноградарства и виноделия в рассматриваемых языках. Вместе с тем о глубокой древности этих заимствований едва ли возможно говорить, поскольку их хронология ненамного опережает рамки древнегрузинского состояния. Арменизмы не засвидетельствованы сравнительной грамматикой картвельских языков не только для общекартвельского уровня, но и, по всей вероятности, для существенно более позднего грузино-занского, что согласуется с общепринятой в науке датировкой распространения армяноязычного ареала в Закавказье (с VI века до н.э.). В соответствии с такими представлениями оказывается и то обстоятельство, что армянские картвелизмы, как правило, несут на себе несомненную печать фонетической эволюции, переживавшейся уже исторически засвидетельствованными картвельскими языками. В последнем отношении особенно показательным представляется тот факт, что так называемые доисторические заимствования армянского (т.е. заимствования из занской ветви картвельских языков, в течение исторической эпохи уже нигде не соприкасавшейся с армяноязычным ареалом) обнаруживают завершенность целой совокупности фонетических процессов, определивших специфику материала мегрельского и лазского языков: ср. арм. *k̄cič-* / *k̄cič* "горшок" при мегр. *č̣kuž-* (< груз.-зан. **čur-*), арм. *čanč* // *čanž* "муха" при мегр. *čanž* (< картв. **mčer-*), арм. *čanšel* "давить" при мегр. *č̣inax-* / *č̣enax-* (< груз.-зан. **č̣lex-*) и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асатиани Л.Ш. Лексика виноградарства в грузинском языке: материалы. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
2. Чикобава А.С. Об одной древней общей основе в термине виноградарства в иберийско-кавказских языках // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1954. Т. 4.
3. Лисицина Г.И., Прищепенко Л.В. Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
4. Джавахишвили И.А. Экономическая история Грузии. Т. I. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
5. Бардивелидзе В.В. По этапам развития древнейших религиозных верований и обрядовое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
6. Lafon R. Mots "méditerranéens" en géorgien (et dans quelques autres langues caucasiennes) // Revue des Etudes Anciennes. 1934. Т. 36.
7. Deeters G. (Рец. на кн.), Die Indogermanen und Germanenfrage: Neue Wege zu ihrer Lösung. Leipzig. 1936 // Indogermanische Forschungen. 1938. Bd. 56, H. 2.
8. Vogt H. Arménien et caucasique du Sud // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1938. Bd. 9.
9. Климов Г.А. Рефлекс индоевропейского ларингального в картвельских языках? // ВЯ, 1989. № 6.

10. *Tsereteli M.* Das Sumerische und das Georgische // *Bedi Kartlisa: Revue de Karthvéologie*. 1959. N 32–33 (N.S. VI–VII).
11. *Чикобава А.С.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938 (на груз.яз.).
12. *Капанцян Г.А.* Историко-лингвистические работы. Ереван, 1975. Т. 2.
13. *Чикобава А.С.* Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 (на груз. яз.).
14. *Сарджвеладзе Э.А.* Картвельские этимологии // *Историческая лингвистика и типология*. М., 1992.
15. *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1938.
16. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 2.
17. *Джавахишвили И.А.* Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1935. Т. 3 (на груз. яз.).
18. *Орбелиани Сулхан Саба.* Сочинения. Тбилиси, 1966. Т. 4, ч. 2 (на груз. яз.).
19. *Vogi N.* Les suffixes verbaux du géorgien ancien // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 1947. Bd. 14.
20. *Эртелишвили Ф.Г.* Вопросы фонематической структуры и истории глагольных основ в грузинском языке. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
21. *Меликишвили И.Г.* Общекартвельская сибилитная система с точки зрения функциональной типологии // Вопросы современного общего языкознания. V. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
22. *Климов Г.А.* Еще одно свидетельство пребывания арийцев в Передней Азии // ВЯ, 1993. № 4.